

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ДРУЖЕСКИХ ОБРАЩЕНИЙ СТАРИНА И СТАРИК

И. В. Фуфаева¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6
Поступила в редакцию 17.04.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-9

В статье описывается, когда и при каких обстоятельствах в русском литературном языке возникли мужские приятельские обращения «старик» и «старина» (без семантики возраста). Эти обращения активно употреблялись героями прозы эпохи хрущевской оттепели: студентами, учеными, инженерами. Исходно предполагалось, что они возникли именно в это время. Однако анализ данных Национального корпуса русского языка показал, что исследуемые обращения окончательно утратили семантику возраста задолго до оттепели; первое – к концу XIX века, второе – примерно в 1920 – 1930 годы. Развитие функции приятельского обращения у обеих единиц протекало сходным образом, с разницей в несколько десятилетий. Обе единицы развили эту функцию на базе использования их в качестве просторечного фамиллярного обращения к незнакомому пожилому человеку. В определенный момент времени оба обращения начинали использоваться в целях языковой игры и стилизации речи, и затем обращения постепенно утрачивали отсылку к народной речи и семантику возраста. Первым этот путь прошло обращение «старина»; что касается обращения «старик», то, по-видимому, использование его как приятельского обращения без семантики возраста первоначально протекало в рамках групповых языков.

Ключевые слова: русский язык, разговорная речь, социолингвистика, лексика, обращения, корпусной анализ, метонимия

Обращением к знакомому может служить не только имя, но и в разной степени специализированные слова, например в письмах Пушкина Вяземскому: *моя прелесть, мой милый аристократ*; в разговорах современных болельщиков – *братан*¹; крестьянки XIX века, по свидетельству В.И. Даля, «иногда... ласково обзывают друг друга *девицей, девахой*». В настоящей работе исследовались два однокоренных русских приятельских обращения *старина* и *старик*, в которых функция дружеского обращения к знакомому, без семантики возраста, развивалась постепенно и похожим путем.

В Толково-словобразовательном словаре Ефремовой *старина* «2. *перен.* Употребляется как фамиллярно-ласковое обращение к приятелю, знакомому и т.п.»; *старик* – «4. *разг.* Употребляется как фамиллярно-

¹ [Алик, муж., 21, студент] Привет / *братан* [Разговор болельщиков в баре о футболе (2007) // НКРЯ].

© Фуфаева И. В., 2020

ласковое обращение к давнему другу, приятелю». В Словаре Ожегова, Шведовой 2006 года исследуемое значение слова *старик* – «5 – «Дружеское обращение к приятелю (разг.)», *старина* «то же, что старик (в 5 знач.), преимущ. в обращении».

Две единицы были выбраны как часть культурного пласта эпохи оттепели, «мифа шестидесятых», связанную с прозой советских шестидесятников. Следующие примеры «оттепельного дискурса» соответствуют «открытию», расцвету и «закрытию» эпохи²:

(1) — Да, *старина*, молоды мы были, глупы и симпатичны, как телята, — сказал Виктор. <...> Андрей согласился. После приема, оказанного в лаборатории, встреча с Виктором казалась подарком судьбы»; «Виктор покачал головой. — ...Ты не обижайся, *старик*, но большей частью так бывает. Собираю я материалы по регулированию, дал кое-кому посмотреть, а они, голубчики ученые, тиснули в книжку, даже фамилии моей не упомянули [Даниил Гранин. Искатели (1954)] (один и тот же персонаж обращается к другу);

(2) Он улыбается и говорит: — Слушай, *старик*, не подкинешь ли ты мне четвертную? Я подкидываю ему «четвертную» [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961];

(3) (С волнением.) *Старина*, ты прости за глупый разговор, но скажи, *старик*, как ты ко мне относишься? [Александр Вампилов. Утиная охота (1968)].

И в этих, и во многих других контекстах эти слова используют персонажи из интеллигентной среды: ученые, инженеры, студенты.

Исследуемые обращения исследовались с точки зрения их генезиса — действительно ли их возникновение приходится на середину XX века. Использовался корпусный анализ.

1. Старина

Исходное значение слова неодушевленное. По формулировке В.В. Виноградова, *старина* изначально означало 'старое, бывалое'. «Нерасчлененно... собирательное, отвлеченное и конкретное», «*старина* могло обозначать и старое время, и старый быт, и старый обычай, старый предмет... <...> ...конкретно-личное значение 'старичок' сложилось в устной речи позднее (то есть позже XV — XVI веков. — И. Ф.)».

По-видимому, это значение появилось в устной речи не раньше конца XVIII века. Словарь русского языка XI—XVII веков, Словарь Академии Российской 1794 года, Словарь языка Пушкина не фиксируют одушевленного (личного) значения слова, в НКРЯ оно появляется с указанием на 1820 год:

² Об эволюции прозы шестидесятых от наивного оптимизма до амбивалентного романтизма и затем тотальной безнадежности и разочарования см. (М. Н. Липовецкий, 2000).

(4) ...чиновник сказал: — Шевелись, *старина!* Видно, вашу братью здесь балуют крепко, что вы еще смеете спорить! — Я не спорю, сударь, — отвечал купец... [Ф.В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829)] (роман опубликовался фрагментами с 1825 г.).

В середине XIX века это значение фиксирует В.И. Даль: 'Старина, старинушка м. старик, старый человек', при этом оба его примера — именно обращения: «А что, *старина*, много ль тебе лет? Присядь, *старинушка*, да отдохни!»

Поскольку обращение к пожилому человеку фиксируется раньше аналогичной номинации, одушевленное значение могло развиться из метонимического обращения, ср. *радость моя, горюшко мое*³. Адресат почти всегда простого звания, в том числе незнакомый. Коннотации: снисходительность или грубость, обычно в контексте приказа (см. пример выше), если статус адресанта выше (чиновник, дворянин), и фатическая функция в случае равного статуса:

(5) Что ты, *старина!* Ведь они его прибили! [Н.А. Полевой. Клятва при гробе Господнем (1832)].

В 1820 — 1840 годы обращение *старина* употребляется в модной в то время исторической прозе Булгарина, Полевого, Лажечникова, Кукольника, Загоскина, возможно, для архаизации слога⁴; в описании современных событий — при передаче простонародной речи, очень обильно — в «Хозяйке» Достоевского (1847), раскритикованной за искусственность языка и героев. Ср. замечание Тургенева:

(6) — Ну, что, размежевался, *старина?* — спросил г-н Пеночкин, который явно *желал подделаться под мужицкую речь* и мне подмигивал [И.С. Тургенев. Бурмистр (1847)].

Таким образом, слово *старина* в это время выступало еще и маркером условно народной речи.

Лексикографы долго отмечали лишь это значение, но не исследуемое нами приятельское *старина* без семантики возраста: у Ушакова в 1930-х годах: «То же, что старик в 1 знач., преимущ. в обращении к старику (разг. фам.)»; у Ожегова в 1985 году: «разг. старик, преимущ. в обращении». Значение 'обращение к приятелю без семантики возраста' появляется впервые лишь в 2000 году в словаре Ефремовой. Анализ НКРЯ показывает, что функция приятельского обращения складывается значительно раньше.

В начале 1830-х годов П.А. Вяземский обращается так к поэту, герою войны 1812 года Денису Давыдову, но в его произведении налицо

³ Отметим окказиональное употребление слова Петром I как номинации человека (механика А. Нартова), по свидетельству сына Нартова: «...когда... он в ту же шлюбку с фрегата сошел, то... граф Толстой, о такой милости возревновав, говорил: "Что за новизна, Ваше величество?" — "Не новизна, а *старина* знакомее тебя!" — отвечал Петр Великий» [А.А. Нартов. Рассказы о Петре Великом (1785—1786)].

⁴ На самом деле — псевдоархаизации.

нарочито народные слог и образ адресата, а также героизация *старого* гусарства и, соответственно, семантика возраста (все эти черты делают стихотворение стилизацией в духе самого Дениса Давыдова):

(7) Эй да служба! Эй да дядя!

Распотешил, *старина!*

На тебя, гусар мой, глядя,

Сердце вспыхнуло до дна [П. А. Вяземский. К старому гусару (1832) // П. А. Вяземский. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. Л. : Советский писатель, 1986, 1958] (поэтический корпус НКРЯ).

Тем не менее это употребление свидетельствует о возможности использования обращения между образованными людьми, пусть как игрового и с намеком на зрелый возраст.

В тургеневском «Рудине» (1856), злободневном романе с реальными прототипами, приятельское *старина* в коммуникации образованных людей уже лишено признаков стилизации, игры в народность:

(8) Чокнемся, брат, и давай-ка, по-старинному: *Gaudeamus igitur!* <...> ...помни, что бы с тобою ни случилось, у тебя всегда есть... гнездо, куда ты можешь укрыться. Это мой дом... слышишь, *старина?* [И. С. Тургенев. Рудин (1856)].

Это обращение к главному герою, потерпевшему крах идеалисту, некогда товарищу говорящего, Лежнева, по либеральному кружку. Коннотации обращения, исходя из контекста: сочувствие, товарищество (в этой финальной коммуникации исчезает скептическое отношение говорящего к адресату), но, видимо, сохраняется семантика возраста, так как в описании Рудина (ему около 40, Лежневу — около 35) подчеркнута: «...почти совсем седой и сторбленный...» По романному времени коммуникация происходит в 1846—1847 годах, поскольку уже в 1848 году Рудин погибает на парижских баррикадах.

Вероятно, единица постепенно, через игру и стилизацию, заимствовалась из народной речи в разговорный стиль литературного языка, использовалась для интимизации коммуникации (ср. *мужики* в речи носителей литературного языка во второй половине XX века⁵) и постепенно теряла сначала игровой характер, а затем семантику возраста. Тем не менее в контекстах НКРЯ, относящихся к XIX веку, превалирует 'обращение к простому старику': пожилым слугам, крестьянам, извозчикам и т. п. Отклонения составляют не более десятой части случаев и отличаются, например, дружескостью, хотя и при более низком статусе адресата, см. пример из романа Н. С. Лескова, где адресат до этого характеризуется автором как «чудак и престарелый недоучка»:

⁵ Отраженной в бардовских песнях 1960-х годов, ср. эпиграф и обращение к коллегам по эксперименту в финале песни физика-барда В. Канера, написанной в 1968 году (автору 28 лет): «И снова станем просто *мужики*».

(9) ...отец Савелий вздохнул и сказал: век наш ветхий выдает нас с тобой, *старина*, в поношение неверкам [Н.С. Лесков. Чающие движения воды (1867)].

В коммуникации образованных героев обращение встречается как крайне фамильярное, насмешливое, а также как фамильярное обращение к пожилому отцу, с коннотациями от издевки (Петр Верховенский) до снисходительной жалости (Базаров, при сообщении о своей скорой смерти) и снисходительной нежности («Гарденины»).

Приятельское *старина*, полностью лишённое семантики возраста, неравенства, снисходительности, насмешки появляется в НКРЯ уже в примерах XX века:

(10) — Ну, *старина*, лицо-то у тебя другое стало... [С.Д. Мстиславский. Крыша мира (1905)] (разговор приятелей, студентов-исследователей, героев романтической и фантастической повести).

(11) — Бросьте, *старина*, идемте лучше завтракать в кофейню Исакова, — предложил Боб Денисов [Л.А. Чарская. Мой принц (1915)] (коммуниканты — студенты драматического училища).

Но еще раньше приятельское *старина* входит в НКРЯ как перевод фр. *mon vieux* 'дружище', буквально 'мой старик':

(12) ...поэт... изложил мотивы этого отказа в «Советах Лизы». «Заняв место, предлагаемое вам другом, — говорила поэту красавица Лиза, — вы не посмеете, *старина*, при громе его денежных сундуков воспеть права...» [М.В. Барро. Пьер-Жан Беранже. Его жизнь и литературная деятельность (1891)].

и как «квазиперевод» в изображении речи художественного персонажа — иностранца:

(13) Хозяин гостиницы, толстый янки, встретил Брукса восклицанием: — Цельми доехали, *старина*? [К.М. Станюкович. Похождения одного матроса (1900)].

Таким образом, по данным НКРЯ, к началу XX века у слова *старина* уже имелось значение приятельского мужского обращения независимо от возраста, которое могло употребляться образованными людьми, а также использоваться как перевод дружеского обращения или изображение неопределенного иноязычного обращения в речи персонажа-иностранца. Само возникновение обращения не связано с культурой «шестидесятников».

2. Старик

Исходное *старик* 'старый мужчина' не было специализированным обращением, но фигурирует в контекстах НКРЯ как обращение в народной речи к 1) незнакомому пожилому человеку:

(14) — Вот что, *старик*, — начала Фекла, заглядывая ему пристально в лицо, — ступай-ка ты лучше от нас с богом... [Д. В. Григорович. Бобыль (1847)];

2) отцу, фамильярно:

(15) Федя не упустил случая подтрунить над отцом. «Чего, *старик*, разжалобился?» [И. С. Тургенев. Хорь и Калиныч (1847)].

Ср. более позднее крайне фамильярное просторечное обращение к незнакомому пожилому адресату в записи И. А. Ильфа:

(16) — Ну что, *старик*, в крематорий пора? [И. А. Ильф. Из записных книжек (1927–1928)].

Ранние вхождения в НКРЯ *старик* как приятельского обращения (с остаточной семантикой возраста и более низкого статуса адресата) указывают на тот же механизм развития значения 'дружеское обращение к приятелю (разг.)' (в Словаре Ожегова, Шведовой «значение 5»), что и у *старина*: заимствование народного обращения определенными кругами интеллигенции со сменой коннотаций с грубо-фамильярных на приятельские и затем утрата семантики возраста и свойства маркировать низший статус адресата.

Первое вхождение как приятельского обращения в НКРЯ содержится в мемуарах художника М. В. Нестерова. Адресант: художник В. М. Васнецов (45 лет), расписывающий собор в Киеве в 1893 году, адресат: художник П. О. Ковалевский (50 лет), в это время житель Киева. Мемуарист подчеркивает возраст адресата. Коммуникация не вполне равноправна: Васнецов по-дружески смягчает отказ другу в избыточном общении.

(17) Время было горячее, не до гостей. ...помню, Виктор Михайлович с лесов говорит: «Ну что, *старик* (они были приятели на "ты"), полезай ко мне сюда, поговорим».

(18) ...когда Павел Осипович приходил к Васнецову и так засиживался, тот, на правах старого друга, бывало, скажет: «Ну, *старик*, иди-ка с Богом! Вот я тебе поднесу "посошок" на дорогу, да и иди. Завтра вставать надо рано» [М. В. Нестеров. О пережитом. 1862–1917 гг. Воспоминания (1926–1928)].

Следующие контексты 1920-х годов уже полностью лишены семантики возраста и неравноправия коммуникантов: так обращаются друг к другу молодые люди, связанные крепкой дружбой, в сложных, экстремальных или радостных ситуациях.

(19) — Ну? Безайс оглядел ровную, уходящую вперед дорогу и вздохнул. (...) — Мы влипли, *старик*. ...все равно, вперед или назад.

(20) — *Старик*, мне самому это не нравится. ...он поднял голову и глубоко вздохнул. Надо было перешагнуть и через это [Виктор Кин. По ту сторону (1928)] (семь взаимных обращений в тексте повести, основанной на дальневосточных событиях 1921 года; коммуниканты — 18-летние близкие друзья, прошедшие революцию и гражданскую войну).

(21) — Ах ты, *старик* мой милый, военком ты мой грозный! Дай я тебя еще раз облаплю, — потянулся снова к гостю Косаговский [Мих. Зуев-Ордынец. Сказание о граде Ново-Китеже // Всемирный следопыт, 1930] (встреча фронтовых друзей в конце 1920-х годов).

Сходство биографий Кина и Зуева-Ордынца, участвовавших в подростковом возрасте в революции и гражданской войне, заставляет предположить возможную принадлежность обращения групповому языку участников этих событий. С другой стороны, цитируемые тексты писались уже в конце 1920-х годов, и обращение могло быть анахронизмом, отразившим язык журналистского и / или писательского общества.

Наконец, три вхождения 1930-х годов из двух произведений М. А. Булгакова связаны с литературной и театральной жизнью, все говорящие — литераторы (с реальными прототипами).

(22) [Пончик-Непобеда, 35, литератор, муж] Здорово, *старик*! Ах, и Ева здесь? [М. А. Булгаков. Адам и Ева. Пьеса в четырех актах (1931)].

(23) «Запомните это, *старик*!» Слово «старик» явно относилось ко мне. Я похолодел (говорящий — пожилой литератор, обсуждение романа рассказчика во время застолья) [М. А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936 — 1937)] (первая уничтоженная редакция 1929 — 1930 годов).

(24) «— Ну, брат, — вскричал Ликоспастов, — ну, брат! <...> Эсхил, Софокл и ты! <...> Давай почеломкаемся, *старик*!» (говорящий — драматург, завистник, узнает о принятии пьесы рассказчика к постановке) [М. А. Булгаков, там же].

Реакция удивления у адресата (рассказчика) на обращение *старик* вновь говорит о возможном узком распространении обращения в языке литературно-театральной богемы.

Итак, обращение *старик* развивает ту же функцию, что и *старина*, видимо, с помощью аналогичного механизма, но позже как минимум на два десятилетия. В словарях значение «дружеское обращение к приятелю» появляется также лишь в издании Ожегова, Шведовой⁶.

Приятельское обращение *старик* возникло раньше середины XX века, правда, возможно, первое время оставалось узкогрупповым, характерным, в частности, для языка литературно-театральной богемы.

Таким образом, неформальные приятельские мужские обращения *старина* и *старик* появились в русском языке в разное время: первое

⁶ Ушаков отмечал, что у слова «старик» появилось значение без семантики возраста: «Человек, давно служащий или работающий где-н. (разг. фам.).»

окончательно утратило семантику возраста к концу XIX века, второе — примерно в 1920—1930 годы. К моменту возникновения «шестидесятичного» дискурса, в котором они были активно востребованы, эти единицы уже имелись в русском языке.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10081) «Политкорректность в русском языке и русской культуре».

Список литературы

Виноградов В. В. История слов. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/> (дата обращения: 30.04.2020).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1981—1982 (репринт издания 1880—1882 гг.).

Даниленко В. П. Блеск остроумия А. С. Пушкина в письмах к П. А. Вяземскому и Н. Н. Пушкиной // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 4 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blestk-ostroumiya-a-s-pushkina-v-pismah-k-p-a-vyazemskomu-i-n-n-pushkinoy/> (дата обращения: 30.04.2020).

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М., 2000. Т. 2.

Липовецкий М. Н. «Шестидесятники» как «потерянное поколение»: трагикомедии Александра Вампилова (1937—1972) // Континент. 2000. № 104. URL: <https://magazines.gorky.media/continent/2000/104/shestidesyatniki-kak-poteryannoe-pokolenie-tragikomediti-aleksandra-vampilova-1937-1972.html> (дата обращения: 30.04.2020).

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 19.05.2020).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2006.

Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990.

Словарь Академии Российской : в 6 т. СПб., 1789—1794. Ч. 5.

Словарь русского языка XI—XVII вв. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=x1-xvii> (дата обращения: 01.05.2020).

Словарь языка Пушкина : в 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М., 2000. Т. 4.

Толковый словарь / под ред. Д. Н. Ушакова : в 4 т. М., 1935. Т. 4.

Об авторе

Ирина Владимировна Фуфаева, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Россия.

E-mail: iriel@inbox.ru

Для цитирования:

Фуфаева И. В. История появления в русском языке дружеских обращений *старина* и *старик* // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, № 4. С. 108—117. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-9.

HISTORY OF THE WORDS STARINA AND STARIK
AS TERMS OF FRIENDSHIP IN RUSSIANI. V. Fufaeva¹¹ Russian State University for the Humanities,
125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6, Russia

Submitted on April 17, 2020

doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-9

This article explores when and under what circumstances the words starik and starina emerged as terms of friendship in standard Russian language. These terms were often used by male characters in the prose of the Khrushchev Thaw – students, scientists, and engineers. It was initially assumed that these words had become forms of address at that time. Analysis of data from the Russian National Corpus shows that these terms of friendship date back earlier than that. Starik was used to address a male friend in the 19th century and starina in the 1920s – 30s. Decades apart, the two words started to function as terms of friendship in a very similar way. Both were used at first to address an elderly stranger. At some point, they turned into means of language play and speech stylisation to finally lose their connection to folk speech and the semantics of age. The first one to complete the transformation was the word starina. As to starik, it apparently began to be used as a term of friendship in languages of groups.

Keywords: Russian, colloquial speech, sociolinguistics, vocabulary, references, corpus analysis, metonymy

References

- Vinogradov, V.V., n.d. *Istoriya slov* [History of words]. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/> [Accessed 30 May 2020] (in Russ.).
- Dal', V.I., 1880–1882. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes.]. Reprint 1981–1982. Moscow (in Russ.).
- Danilenko, V.P., 2012. The brilliance of wit A.S. Pushkin in letters to P.A. Vyazemsky and N.N. Pushkina. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 4(21). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/blesk-ostroumiya-a-s-pushkina-v-pismah-k-p-a-vyazemskomu-i-n-n-pushkinoy/> [Accessed 30 April 2020] (in Russ.).
- Efremova, T.F., 2000. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi: v 2 t.* [The new dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).
- Lipovetskii, M.N., 2000. "The Sixties" as a "lost generation": the tragicomedy of Alexander Vampilov (1937–1972). *Kontinent* [Continent], 104. Available at: <https://magazines.gorky.media/continent/2000/104/shestidesyatniki-kak-poteryannoe-pokolenie-tragikomedi-aleksandra-vampilova-1937-1972.html> [Accessed 30 April 2020] (in Russ.).
- NKRYA, n.d. *Natsional'nyj korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> [Accessed 19 May 2020] (in Russ.).
- Ozhegov, S.I. and Shvedova, N. Yu., 2006. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions]. Vol. 4. Moscow (in Russ.).
- Berdyayev, N.A., 1990. *Smysl istorii* [The meaning of history]. Moscow (in Russ.).

Imperial Academy of Sciences, 1789–1794. *Slovar' Akademii Rossiiskoi: v 6 t.* [Dictionary of Russian Academy: in 6 volumes]. Vol. 5. St. Petersburg (in Russ.).

Nauka, n. d., *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Available at: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii> [Accessed 1 May 2020] (in Russ.).

Vinogradov, V. V., ed., 2000. *Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of the language of Pushkin: in 4 volumes]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Ushakov, D. N., ed., 1935. *Tolkovyy slovar': v 4 t.* [Explanatory dictionary: in 4 volumes]. Vol. 4. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Irina V. Fufaeva, Research Fellow, Russian State University for the Humanities, Russia.

E-mail: iriel@inbox.ru

To cite this article:

Fufaeva, I. V. 2020, History of the words *starina* and *starik* as terms of friendship in Russian, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 4, p. 108–117. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-9.